

[1]

Помните, сударыня, о нашем жарком споре однажды вечером, в маленькой японской гостиной, по поводу отца, виновного в кровосмешении? Помните, как вы негодовали, с какой резкостью высказывались в порыве гнева? Помните, что я говорил в защиту этого человека? Вы осудили его. Я апеллирую.

Никто на свете, утверждали вы, никто не найдет оправдания той мерзости, которую я защищал. Теперь я хочу всем рассказать об этой драме.

Быть может, найдется хоть один человек, который, не оправдывая этого безнравственного поступка, свойственного только животным, все-таки поймет, что иногда невозможно бороться с роковыми случайностями, похожими на уродливые капризы всемогущей природы.

Ее выдали замуж шестнадцати лет за пожилого и черствого человека, дельца, позарившегося на ее приданое.

Это было хрупкое белокурое создание; веселая и в то же время мечтательная, она всей душой стремилась к счастью, идеализируя жизнь. Разочарование было внезапным и разбило ей сердце. Она увидела всю неприглядность жизни, безнадежность будущего, гибель своих грез, и в ее душе осталось лишь одно желание: иметь ребенка, чтобы было кого любить. Но и это желание не исполнялось.

Прошло два года. Она полюбила. То был молодой человек лет двадцати трех, боготворивший ее, готовый ради нее на любое безумство. Его звали Пьер Мартель. Все же она долго и упорно сопротивлялась.

Однажды зимним вечером они остались наедине, у нее дома. Он пришел на чашку чая. Потом они уселись у камина на низкой кушетке. Они почти не разговаривали, объятае желанием. Их уста томила жгучая жажда, та, что притягивает одни губы к другим; их руки трепетали в предчувствии объятий.

Лампа, прикрытая кружевным абажуром, мягко озаряла тихую гостиную.

Смущенные, они лишь изредка обменивались несколькими словами, но когда их взгляды встречались, сердца начинали учащенно биться.

Могут ли привитые воспитанием чувства бороться с непреодолимой силой инстинкта? Может ли такой предрассудок, как стыдливость, противостоять непреклонной воле природы?

Их пальцы нечаянно встретились. Этого было достаточно. Могучая сила страсти бросила их друг к другу. Объятия сомкнулись, и она отдалась.

Она забеременела. От любовника или от мужа? Откуда ей было знать? Наверное, от любовника.

Ее стал мучить страх; она была уверена, что умрет от родов, и без конца заставляла любовника клясться, что он будет всю жизнь заботиться о ребенке, ни в чем ему не откажет, станет для него всем и, если понадобится, пойдет даже на преступление ради его счастья.

Ее навязчивая мысль граничила с безумием; но она все больше и больше проникалась ею, по мере того как приближался час родов.

Она родила девочку и умерла.

Это было страшным ударом для молодого человека; он впал в столь глубокое отчаяние, что не мог его скрыть. Быть может, и муж начал кое-что подозревать; возможно, ему даже было известно, что не он отец ребенка. Он перестал принимать того, кто считал себя настоящим отцом, и воспитал дочь, скрыв ее местопребывание.

Прошло много лет.

Пьер Мартель забыл о случившемся, как забывают обо всем.

Он разбогател, но никого больше не полюбил и не женился. Он жил, как многие, счастливо и спокойно, и к нему не доходило никаких вестей ни о муже, когда-то им обманутом, ни о девушке, которую он считал своей дочерью.

Однажды Мартель получил письмо от одного постороннего человека, где ему, между прочим, сообщали о смерти бывшего соперника, и он почувствовал смутную тревогу, нечто вроде угрызений совести. Что случилось с этой девочкой, с его дочкой? Не нужно ли что-нибудь для нее сделать? Он навел справки. Ее приютила тетка, жили они обе в бедности, почти что в нужде.

Он захотел увидеть дочь, помочь ей. Ему удалось познакомиться с единственной родственницей сироты.

Его имя не пробудило никаких воспоминаний. Ему было лет сорок, но выглядел он моложе. При знакомстве он не решился сказать, что знал мать девушки, чтобы не вызвать каких-либо подозрений.

Лишь только она вошла в маленькую гостиную, где он лихорадочно ждал ее прихода, он затрепетал от удивления, граничившего с ужасом. Это была его умершая любовница!

Тот же возраст, те же глаза, те же волосы, тот же гибкий стан, та же улыбка, тот же голос! Законченная полнота этой иллюзии сводила его с ума; он ничего не соображал, он потерял голову; бурная любовь былых дней вновь закипела в его сердце. Вдобавок она была такая же

веселая и простая. С первого рукопожатия они стали друзьями.

Вернувшись домой, он понял, что старая рана раскрылась, и отчаянно разрыдался, обхватив голову руками; он оплакивал ту, другую, томимый воспоминаниями, перебирал в памяти ее любимые словечки, вновь и вновь предавался безысходному горю.

Он стал часто бывать у молодой девушки. Он не мог обходиться без нее, без ее веселой болтовни, без шелеста ее платья, без звуков ее голоса. В его мыслях, в его сердце умершая и живая сливались воедино; он забывал о расстоянии, о миновавших годах, о смерти; в одной он любил другую, любил одну в память другой, не пытаясь больше понять, осмыслить, что творится в его сердце, не спрашивая себя, дочь она ему или нет.

Но подчас его ужасно мучило, что девушка, любимая им этой двойной страстью, неясной и непонятной для него самого, живет в такой нужде.

Что он мог сделать? Предложить денег? Под каким предлогом? По какому праву? Играть роль опекуна? Но он казался лишь немногим старше ее, и его принимали бы за любовника. Выдать ее замуж? Эта внезапная мысль испугала его. Потом он успокоился. Кто захочет жениться на этой девушке? Ведь у нее нет ничего, ровно ничего.

Тетка не мешала его посещениям, видя, что он любит это дитя. А он ждал. Чего? Он и сам не знал.

Однажды вечером они остались одни. Сидя рядом на диване в гостиной, они тихо беседовали. Отеческим движением он взял ее руку и гладил, взволнованный до глубины души; он не решался расстаться с этой ручкой, протянутой так охотно, и чувствовал, что потеряет самообладание, если не выпустит ее. И вдруг девушка упала в его объятия. Она полюбила его так же горячо, как некогда ее мать, словно унаследовав от нее роковую страсть.

Растерявшись, он прикоснулся губами к ее белокурым волосам, и, когда она подняла голову, готовясь убежать, их губы встретились.

Бывают минуты, когда люди теряют рассудок. Так было и с ними.

Очувтившись на улице, он побрел, сам не зная, куда, не представляя себе, что теперь делать.

Вспоминаю, сударыня, как вы негодующе воскликнули:

— Ему оставалось лишь покончить с собой!

Я ответил:

— А она? Неужели он должен был убить и ее?

Она любила его исступленно, безумно; наследственная фатальная страсть заставила эту невинную девушку самозабвенно броситься к нему на грудь. Она сделала это в неудержимом порыве; не помня себя, она отдалась, по воле бурного инстинкта, который кинул ее в объятия любимого, как всегда кидает самку к самцу.

Если бы он покончил с собой, что случилось бы с нею? Она умерла бы... Умерла бы обесчещенная, в отчаянии, невыразимо страдая.

Что делать?

Оставить ее, обеспечить приданым, выдать замуж? Она все равно умерла бы, умерла бы с горя, не приняв его денег, не желая другого мужа, потому что целиком отдала себя ему. Он разбил бы ее жизнь, лишил бы возможности быть счастливой, обрек бы на вечное горе, на вечное отчаяние, на вечные муки совести, на вечное одиночество или на смерть.

Но ведь он тоже ее любил! Теперь он любил ее и с ужасом и с восторгом. Пусть она была его дочь. Случайность, слепой закон размножения, минута страсти сделали его дочерью эту девушку, с которой он не был связан никакими законными узами, которую он обожал, как обожал ее мать, и даже сильнее, словно две любви слились в одну.

Да и дочь ли она ему? Впрочем, кому до этого дело? Кто узнает об этом?

И в его памяти всплыли клятвы, данные им умирающей. Он обещал, что посвятит всю жизнь этому ребенку, что пойдет, если понадобится, на преступление ради его счастья...

И Мартель любил ее, поглощенный мыслью о своем грехе, ужасном и сладостном, терзаемый болью и желанием.

Кто узнает? Ведь ее официальный отец уже умер!

«Будь что будет! — решил он. — Этот тайный позор, может быть, разобьет мне сердце. Но она никогда ничего не узнает, всю тяжесть я приму на себя».

Он попросил ее руки и женился на ней.

Не знаю, был ли он счастлив, но я, сударыня, поступил бы так же, как он.

Примечания

Напечатано в «Жиль Блас» 23 января 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

1 Иокаста — одна из героинь древнегреческих сказаний, мать Эдипа, который по воле рока женился на ней, не зная, что она его мать.